

Конец
сентября
1995г.

Последнее интервью моего отца.

3 «Тимирязевец» № 10 (2680)

Мы приехали в этот город с фотокорреспондентом газеты «Россия» А. Колыбаловым и сразу же на встречавшей его военной машине отправились в центр Волгограда, где живет профессор с дочерью. Заранее созвонился с проректором ВСХА и Константином Георгиевичем, и вот уже мы в квартире, где Аркадий тактично начал щелкать фотокамерой. У него было только 15 минут на съемку, когда же он ушел, я включил крохотный диктофон.

Константин Георгиевич отвечал на вопросы четко, подробно и даже объемно. Не надо было десятков раз переспрашивать, уточнять. Словно старый Шульмейстер знал, что мне надо и сколько надо. Ни длиннот, ни повторов, ни мало-значимых фраз. Голос ровный, уверенного в себе человека, память отменная, и хотя дочь пыталась порой уточнять что-то, он оставался верен своей памяти и даже поправлял ее. И еще меня поразили такт, с которым старик вел со мной беседу. Он глубоко уважал собеседника, не зная его. Может, оттого, что Тимирязевка — не пустое понятие на карте его памяти и сердца.

Сейчас, расшифровывая запись фонограммы, неоднократно прокручивая ленту, удивляюсь ее богатству, ставшему в руках репортера документом эпохи. Совсем недавно не только я, но и его альма-матер, и страна не знали, что на берегу Волги живет такой уникал, необыкновенный человек. И вот в этот дом зачистили телевизионщики, газетчики, киношники, в том числе и из объединенной Германии.

Пусть читателя не удивляет тоналность его рассказа. Боль, долго спрятанная в сердце русского немца, выплеснулась наружу в одночасье. И профессор, не стеснясь, не боясь осуждения, говорил. Может, для него это духовное завещание нам, помоложе, и тем, кто совсем молод. Как жить, работать, относиться к людям, прощать им зло и недружелюбность.

И хотя говорил он о себе, о том, что происходило с ним, я увидел

Узнав этим летом, что в Волгограде живет человек, которому 17 апреля исполнилось 100 лет и что к тому же он выпускник нашей академии 1918 года, было, от чего удивиться. Но еще более удивляли слова академика Б. С. Маслова в газете «Мелиоративный вестник»: «Случай небывалый, и не только в России: 100-летний юбилей ученого отмечен в его присутствии и с его актив-

ным участием».

На фотоснимке Константин Георгиевич Шульмейстер кажется монолитом. Но в жизни он явно не гигант. Невысокого роста, худощав, взгляд прямой. Я думал вначале — не видит, оказалось, и читает, отложив очки. А монолитность есть. Она — это и твердость духа, и крепость характера, завидная прямота, где честность соседствует с верой в то, о чем говорит.

И еще искренность, устоявшаяся в годы тяжелых испытаний и после реабилитации. Вот в чем увидел я его монолитность, негибкость.

И сейчас, когда мы беседуем в его квартире, меня поражает прямота и вкуче с ней милосердность к тем, кто его предавал. Завидные качества в наш озлобленный век. Тем более для человека, которого пошел 101-й год жизни.

ПРОЩАТЬ ТЕБЯ ПРЕДАВШИХ

◆ Монолог выпускника Петровской академии 1918 года
100-летнего профессора К. Г. Шульмейстера.
Волгоград, 14 сентября 1995 года. Фото А. Колыбалова.



Константин Георгиевич с дочерью Маргаритой Константиновной

призываться в армию и они активно участвовали в защите своей новой родины.

И как раз случилось так, когда Сталин в 1941 году огульно обвинил всех немцев Поволжья в не-

же пищу я принимал стоя, некуда виться совсем. Рядом с домом инвалидов был совхоз, который можно сравнить так: как скотина перед забоем содержалась в навозе, так в те времена как доходяга.

за что же мы так наказаны. И вот этой весной, когда дело подходило к 100-летию, я написала в саратовское НКВД, наше родное, и мне очень быстро пришла копия. Без всякой надежды написала. И папа впервые, пробыв столько лет в таком несчастном положении, впервые, через 56 лет, увидел свой приговор.

Когда я его начала читать, сложила, убрала, было чувство, что я над какой-то страшной бездной, над раскрытой могилой вдруг оказалась. Настолько это чудовищная писанина. Убрала и долго не прикасалась. Папе не показывала. Это страшно читать, но потом, когда дети мои из Петербурга приехали, я успокоилась, сыну дала своему почитать. А потом, когда прошло достаточно времени, папе дала почитать, но он читать не стал».

ДОЧЬ начинает читать приговор: «Шульмейстера Константина Георгиевича на основании статьи 58-й — к высшей мере». «Расстрелять» крупным шрифтом. Это меня больше всего поразило, — говорит она. — Прошло почти 60 лет, и впервые мы узнали. Это ужасно. Сейчас я спокойно могу читать. Но ведь были люди, которые специализировались на таком жанре. Очень ходко и здорово умели это написать».

Мы все занимали сравнительно высокие посты в науке, — продолжает К. Г. Шульмейстер (речь идет об ученых — академике Давиде, Тулайкове, Мейстере, академике Вавилове — ред.). Я это говорю не для саморекламы. Вы меня поймете. Я был зав. кафедрой и зам. ректора по науке и по учебной работе. Сейчас два проректора, а тогда был один. Приходилось часто выступать на конференциях, меня иногда вызывали на бюро обкома, хотя в партии я никогда не был. Всю жизнь был беспартийным. Если бы был в партии, меня бы обязательно расстреляли. Сталин ненавидел ученых, поэтому он уничтожил Вавилова, Тулайкова.

Надо было следовательно нас всех, по их выражению, разоблачать, доказывать, что мы были скр-

что происходило с ним, я увидел в одной жизни то, что происходило и с его родиной.

Тактично сохраняя стиль беседы так, как это было, без редакторских правок, — здесь они не нужны, — думаю, согласитесь, это лучший способ узнать Человека.

Давайте вслушаемся в его мысли, тональность беседы, а она длилась 3 часа, в конце которой Шульмейстер был таким же, как и вначале, лишь слегка охрип. Намеренно не смещаю акценты, не выстраиваю иной сценарий, не завлекаю читателя ужасами его жизни. Все как было. Входите в квартиру, где в небольшой комнате, за письменным столом с пишущей машинкой, в окружении шкафов и полок с книгами, сидит опрятно одетый немолодой человек. Рядом — его заботливая дочь — Маргарита Константиновна.

— МОИ ПРЕДКИ вышли из Германии по зову императрицы Екатерины II в 1763 г. Она объявила, что желающие переселиться в Россию крестьяне могут получить наделы, целый ряд льгот, чтобы обустроиться и превратить эти пустынные степи в плодородные поля. И вот немцы за свое время, как вы знаете она (Поволжская республика немцев — ред.) была ликвидирована в сорок первом году по приказу Сталина, они действительно превратили это Поволжье, Нижнее, в цветущий край. Они производили очень много зерна, в особенности пшеницы, на этой основе предприниматели-немцы организовали мукомольную промышленность в Саратове, и мука шла для народа, по всей России.

Кроме того, немцы-предприниматели обратили внимание на многочисленные залежи известняков под Вольском, и был организован большой цементный завод. Этот цемент шел на потребу всего государства. Кроме того, они развили производство тканей, сарпинки, так называлась, это немецкие ткани. Это были общие результаты.

Они имели льготы от воинской повинности. Они не были обязаны к мобилизации, но через 100 лет, в 1865 г., уже наши немцы стали

ниги всех немцев Поволжья в неприязни к России, обвинил их в измене государству и постановил всех их выселить за эту измену родине, десятки тысяч наших молодых людей в первые годы войны погибли на фронтах. Этот указ Хрущевым был отменен, и огульное обвинение наших немцев в измене родине было отвергнуто, даже осуждено. Но факт остается фактом: тогда погибло почти все наше молодое поколение. Кто был призван в трудовую армию, а условия труда для немцев были смертельные. Они тоже почти все погибли, но постепенно. Не кормили людей, давали невыполнимые задания.

«Моя научно-педагогическая и общественная агрономическая деятельность в Саратовском СХИ была прервана в 3 часа ночи 22 июля 1938 г., — вспоминал Шульмейстер на своем чествовании 17 мая с. г., посвященном 100-летию со дня его рождения, — когда я был арестован НКВД». А 29 апреля 1939 г. по клеветническому обвинению был осужден трибуналом по статье 58 УК РСФСР пп. 8, 10 и 11 (антисоветская агитация и групповая террористическая деятельность против членов Правительства СССР Сталина, Молотова, Кагановича и др.) и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. После двухмесячного пребывания в камере смертников Военная коллегия Верховного суда СССР 23 июня 1939 г. расстрел заменила лишением свободы на 10 лет и поражением в политических правах на 5 лет.

В ЛАГЕРЕ первый год, как правило, все заключенные, независимо от того, то ли академики, то ли профессора, целый год были на общих работах. И я попал на общие работы. Меня направляли в оловянный прииск, от Магадана километров 400, — в шахту работать, но у меня было очень тяжелое следствие, и я два месяца сидел в смертной камере, в Саратове, а условия в этой камере были очень тяжелые. Это было сырое, полутемное помещение, а мебелировка — грязный тюфяк и параша. Ни кровати, ни стола, ни стула. И поэтому я мог только на своих ногах лежать, сидеть, и да-

среди нароста, в смертной камере содержались.

— Вы один были в камере? — Один, — слышу в ответ.

Я вошел туда сравнительно здоровым, но вышел совершенно инвалидом. Инвалидом полным. Потерял вес, а самое главное: отравленный газом — это сероводород. Камера небольшая, низкий потолок. «Я вышел инвалидом, — повторяет Константин Георгиевич. — Я попал независимо от своего состояния здоровья в этап и приехал в этот самый прииск. А нас было две с половиной тысячи, но преобладала интеллигенция, но среди них было много уголовников.

Директор этого прииска посмотрел и решил: «Зачем мне доходяга!» — Это лексикон заключенных, — добавляет Шульмейстер. — Он решил сделать перекомиссовку медицинскую, для него невыгодно было принимать доходяг, т. е. неспособных уже инвалидов, а врач был вольнонаемным, которому никто никаких приказов не мог делать. Он самостоятельно решил: кого признать работоспособным и кого нет. Если бы он был заключенным, ему приказали бы, он бы всех зачислил.

Когда я в голом виде предстал перед этой комиссией во главе с этим врачом, он расширил глаза и говорит: «Да позвольте, что с вами случилось, почему вы такой дистрофик?» (а вес профессора едва достигал 40 килограммов). Я сказал, что 2 месяца сидел в смертной камере.

И меня сактировали, и сразу направили назад, в Магадан, где был расположен дом инвалидов для заключенных. Но как их, этих заключенных, там использовали? Никак. Отдыха там не было, и их заставляли там работать на легких работах. Лесо повал. Так меня записали в бригаду лесоповала.

Я настолько ослаб, что не мог с бригадой дойти до леса. И обычно боец меня доводил потом. Но бригадир остался недовольным — разрядка была на каждого. И бригада от меня отказалась. И тогда начальник дома инвалидов, бывда начальник дома инвалидов, бывший офицер, решил от меня изба-

Семь километров, но дойти не мог, доезди подводой. Пришел директор совхоза, посмотрел: «Ну зачем вы привезли таких доходяг? Они совершенно неспособны...» А у них был в совхозе заключенный врач, к счастью, врач из Саратова, в лицо меня не знал, но фамилию знал, как профессора, зав. кафедрой, выступавшего в печати. Общественность меня знала. Он и говорит: «Слушайте, вы знаете это кто? Агроном. Это наш, саратовский профессор. Давайте возьмем, подкормим его, поставим на ноги, и он нам пригодится». И он как в воду глядел.

Оставили меня, поставили меня. Когда я научился ходить, это прошло неделя-две, послали сторожем в телятник. Представляете себе, с обязанностями — караулить телят, топить печи. Для меня это было спасение. Мне бригадир, это был заключенный, разрешил питаться телячьим молоком ночью. Очень долго парят овес, получается очень питательный овсяный раствор. И это было мое спасение.

Через месяц я стал трудоспособным, и когда наступила весна (февраль, март, апрель я был в телятнике), когда начались полевые работы, директор говорит: «Ну давайте этого заключенного, профессора, сделаем бригадиром — для выращивания овощей, кормов, картофеля». И я в этом совхозе и оставался почти до своего освобождения. И это меня спасло! — в который раз повторяет мой собеседник. — Кому я обязан был? Тому врачу на приiske Лазо, который меня сактировал.

— Вам не тяжело говорить? — обращайтесь я к Константину Георгиевичу. — Не утомительно? — Он молчит. — Единственно, что папа плохо слышит, — обращается дочь ко мне. Оказывается, слышит меня мой профессор. «Нет, Георгий Викторович, я в таком творческом возбуждении. Передо мной сидит работник моей альма-матер, т. е. Тимирязевской академии. Я был влюблен в своих учителей».

Дочь: «Я вам хочу одну бумажку показать. Семья была разрушена, наказана. Но мы, начиная с 1938 г., не знали, что отец — враг

народа. Мы ни разу не видели:

Арестовали двух студентов, которых я читал лекции, и заставили их подписать, что я будто бы их мобилизовал в террористическую организацию. С их слов. А мне пришлось с ними встречаться через много лет после реабилитации. Они упорно отказывались, но их так избивали — до полусмерти, — довели их до отчаяния, и они подписали: «Да, Шульмейстер нас мобилизовал».

Когда по этому доносу меня арестовали, предъявили мне обвинение, они их выпустили, но взяли с них подписку, что они будут молчать. Но прошло 20 лет, и они... Это были очень порядочные люди.

Это был их метод. А потом там моих аспирантов, их было несколько, заставили выступать в саратовской газете, что я был скрытый враг народа. Большая статья. Там были приведены факты. Ложные, конечно, общественности доказать, что мы были настоящие, озлобленные предатели.

Между прочим, Георгий Викторович, я эту газету успел прочитать. После газеты арестовали через 2—3 недели.

Через 20 лет я был полностью реабилитирован, попал в Москву, на конференцию, там встречаю одного из своих аспирантов. Он стал Героем Социалистического Труда, стал директором Уральской опытной станции. Башмаков. В перерыв ко мне подошел: «Константин Георгиевич! Вы меня узнаете? — Да, отвечаю. — И бросился мне на шею. «Константин Георгиевич, дорогой, извините меня, что я оказался вашим предателем...». Очень порядочный человек, большой семьянин.

— Николай Иванович! Не беспокойтесь. За эти 20 с лишним лет я много видел таких страшных картин. Я даже рад, что вы на моей шее, на моей спине могли уцелеть. Если бы меня не предали, то и вас арестовали, а после того, как вы предали своего учителя, вы приобрели иммунитет. Вас никто не трогал, считали, что вы выполнили свой гражданский долг: разоблачили врага народа. Если бы вы это не сделали, то вас бы

директора на заседании диссертационного совета К 120.35.06 в МСХА им. К. А. Тимирязева. Гражданин США Джеймс Эрл Хори представлял диссертацию «Устойчивое земледелие: взаимоотношения почва—растения—животное» на соискание ученой степени кандидата биологических наук (специальность 03.00.16 — экология).

Работа была выполнена в отделе полевых исследований и

Центре по устойчивому земледелию, г. Пото, Оклахома, США и лаборатории по устойчивому земледелию, колледж экологии и биосферы при Пушинском государственном университете. Научные руководители: доктор биол. наук, проф. В. И. Кефели, доктор биол. наук, проф. О. А. Соколов. Официальные оппоненты: доктор с.-х. наук, проф. В. А. Черников, канд. с.-х. наук, доц. М. М. Овчаренко.

Заслуживали внимания не

На протяжении ряда лет специально изучалось поведение коров, овец и коз в системе ротации пастбищ. Выпас этих животных вместе на одном пастбище вызвал специфические потребности каждого из них: в это время как коровы поедали траву, овцы потребляли в основном сорняки, а козы — кустарники. Ротация пастбищ показала, что данная система способствует увеличению урожаяв трав на полях и прибавке в

скачки заграждений для пастбищ, обеспечения водой животных и полива растений. Одновременно успешно решаются 2 проблемы: экономическая и экологическая.

Лесной проект, разработанный в Керр Центре, дает ряд неоспоримых преимуществ при использовании лесных посадок и пастбищ одновременно. Животные получают необходимый корм, при этом растущие деревья и рулоны мульчи, рассу-

ленном фермер получает ценный лесоматериал.

Ботаническое разнообразие полей Керр Центра позволило изучить и внедрить в систему нативные пастбищные травы, которые успешно адаптированы к кислым почвам этого региона.

Совет принял положительное заключение по диссертации.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ.

Окончание. Нач. на стр. 3

посадили, а другой нажил бы капитал на мне. Он был очень рад, и с тех пор мы с ним переписываемся.

Но был второй человек, Михаил Иванович, бывший аспирант. Он этого не объявил. Они вдвоем написали. Он не покаялся. «Тожь ныне здравствующий», — добавляет дочь.

Так тогда создавали врагов народа.

Прошу памятливого Шульмейстера рассказать о Н. И. Вавилове. Ведь они оба из Тимирязевки и оба саратовские. Пути их не раз пересекались.

Николай Иванович Вавилов на IV курсе Московской сельхозакадемии работал на кафедре Прянишникова и читал нам избранные лекции по генетике и селекции. Кроме того, когда я был на последнем курсе, меня зачислили стажером на селекционную станцию У Рудзинского. И я выполнил у него свою дипломную работу «Отзывчивость различных сортов озимой пшеницы к переменной влажности почвы». (Вас не удивляет память профессора? — Ред.). И я целый месяц работал в вегетационном домике и на полях. А в это время Вавилов на делянках проверял свою коллекцию культурных растений на иммунитет против грибных заболеваний. Мы с ним каждый день встречались на полях, делянках, разговаривали по тематике. Он интересовался моей работой как стажера, а я иногда интересовался, что вы, Николай Иванович, тут сегодня сделали? Начала создаваться дружба. Судьба создала условия для встреч.

потому что Ленин объявил террор. После покушения Каплан — арестовать предпринимателей, зав. фирмами. Примерно миллион людей. Массовое бегство за границу: кто пешком, на лошадях, водным транспортом, поездом. Жил он в Болгарии. Когда все улеглось, не помню, Николай Иванович возбудил ходатайство перед Калининым, чтобы разрешили отцу вернуться. Год-два, и Николай Ива-

ну и был так воспытан, что не мог врать, когда меня спрашивали, я говорил — и думаю не так. И получалось так, что мои ответы обычно соответствовали интересам производства. Поэтому все секретари, первые лица всегда относились ко мне благоприятно.

Могу добавить, что мне дали в 1966 г. орден «Знак Почета». А через 10 лет — орден Трудового Красного Знамени. Георгий Викторо-

ПРОЩАТЬ ТЕБЯ ПРЕДАВШИХ

нович его похоронил. У меня много литературы. Полное собрание его, Вавилова.

Мы говорим о прошлом, но жестокость, злое, несправедное, не забывается. И вот Маргарита Константиновна вспоминает о тех годах, о том, что суд происходил без участия обвинения и защиты. Все приготовлено, заранее напечатано. А сам суд — трое судей: председатель и 2 присяжных.

Не было прокурора, защитника, адвоката, — подчеркивает собеседник, — а на мою просьбу привлечь свидетелей сказали: «Суды

вич, я вам сообщаю не в порядке саморекламы. И я не жалею. Дело в том, что мои недруги всячески старались мне подставить ногу. И потому они часто делали доносы на меня в обком, а когда первые секретари стали разбираться и вызывали к себе, убеждались, что это все клевета, а Шульмейстер говорит то, что думает, а думает на основании тех знаний, которые приобрел, и на основании своего опыта. А иначе я бы не удержался, если бы поддакивал тем ошибкам, вредным меропри-

ятий, предложил, отчитал зав. кафедрой: «А вот вы, Василий Федорович, флюгер, куда ветер, туда и вы. А вот Шульмейстер пойдет на костер, но от своих принципов не откажется». Позже зав. кафедрой отыгрался на папе.

Вспомнили мы и Калашникова, бывшего секретаря обкома, которого резко критиковали «ЛГ» и другие газеты. Он игнорировал людей. Если нужно что-то по сельскому хозяйству, он из Ставрополя вызывал консультантов, хотя местные ученые и специалисты лучше знали специфику и условия, чем человек со стороны. Он, живя в «доме Романовых» (обкомовском), дочери выделил квартиру. Местные жители добились, что (а это был горбачевский набор) убрали его и дочь.

Пока мы беседовали, Маргарита Константиновна частенько убежала на кухню, там готовился любимый пирог — с капустой. Национальное блюдо поволжских немцев. Я успевал оглядеть комнату со множеством домашних фотографий, книг (Соловьев, Советский энциклопедический словарь, Диккенс, В. Скотт). «Очень люблю», — скажет об этих авторах Шульмейстер. А еще он любит и такие пироги, и пшеничную кашу с салом. «А Лысенко считался держимордой, — неожиданно добавит — Был малограмотным».

Я хочу одну мысль сообщить вам. Сталин считал Лысенко самым выдающимся ученым в нашей стране. Он успел наградить его 7 орденами Ленина. Ни у одного полководца не было в нашей стране столько. Он был аферист в науке. Какой ущерб был нанесен Лысенко и Сталиным. Из-за Лысенко

выращивать корма. Потом появился приказ Сталина: всех заключенных немцев, финнов, венгров, румын, с которыми мы воевали, перевести в штрафные лагеря. А у нас в совхозе немцев было человек 60. Вот мы уже сидим в автомашине, открывается вдруг дверь, я вижу, выходит из нее директор совхоза, занимался производством (как раз шла посевная): «Слезай, Шульмейстер!» Товарищи помахали шапками, и я снял шапку.

После истечения срока наказания был заочно осужден к вечной ссылке в Магаданской области. Без выезда на «материк». С января 1956 г. после 18-летнего ГУЛага получил политические права. Семья «врага народа» все эти годы находилась в ссылке — в Северном Казахстане, но встреча с ними откладывалась. По просьбе Магаданского областного управления остался еще на год для работы начальником отдела науки в областном управлении сельского хозяйства.

Два года работал в Красноярске, затем в Волгограде. В 1964 г. по совокудности опубликованных работ на тему «Вопросы сухого земледелия в зоне каштановых почв Нижнего Поволжья» ученый совет Саратовского СХИ присудил ему степень доктора сельхознаук. Долгие годы уделил научным проблемам чистых паров («хороши они, но расхищают плодородие, потери гумуса велики...»).

На юбилейном торжестве глава администрации Волгоградской области И. П. Шабунин рассказал об использовании научных резуль-

тет против грибных заболеваний. Мы с ним каждый день встречались на полях, делянках, разговаривали по тематике. Он интересовался моей работой как стажера, а я иногда интересовался, что вы, Николай Иванович, тут сегодня сделали? Начала создаваться дружба. Судьба создала условия для встреч.

КОГДА окончил в восемнадцатом году, меня пригласили в качестве директора Камышинского опытного поля, а Николай Иванович в это время был профессором Саратовского сельскохозяйственного института. А я в эти годы — 18, 19, 20 гг., начале 21 г. каждый год встречался с ним в Москве. Заходил к нему в с.-х. институт. Он меня принимал, даже на дому. Тогда было очень голодное время. Он предугадывал, что надо, чтобы меня чем-то накормить.

В 20-м году он специально приезжал в Камышин. Ознакомился с состоянием овощеводства в районе. Он у меня ночевал. После каждого года встречались на конференциях. Происходил из такой семьи — отец был членом Московской Государственной думы, был меценатом научных работников. Сыном бедного крестьянина. В возрасте то ли 12, то ли 15 лет пошел с письмом священника устраиваться на работу, в котором говорилось, что предъявитель его обладает прекрасным голосом и его неплохо устроить в церковный хор. Этот Ваня пошел в Москве и года 2—3 в хоре. Отпрыск бедного крестьянина, сын народа. Он устроился у купца рассыльным, убирал магазин несколько лет, вырос и возбудил в этом купце большое доверие. Он его сделал чуть ли не директором. Он стал членом Акционерного общества мануфактуры.

Сам Николай Иванович от родителей приобрел обычаи и нравственность крестьянскую. Она заключается в том, который живет по заповеди: трудись в поте лица, зарабатывая свой хлеб насущный. Вот идеология воспитания. Очень простой человек. Его очень любили за его внимательное, гуманное отношение к людям. И в академии нашей.

Отец в 18-м году эмигрировал,

стантинова вспоминает о тех годах, о том, что суд происходил без участия обвинения и защиты. Все подготовлено, заранее напечатано. А сам суд — трое судей: председатель и 2 присяжных.

Не было прокурора, защитника, адвоката, — подчеркивает собеседник, — а на мою просьбу привлечь свидетелей сказали: «Суду и так ясно все». Два бойца с винтовками охраняли меня в моем кресле. Суд продолжался недолго. «Признаете себя виновным?» «Нет, не признаю!» А потом дальше все было просто.

Он родился в прошлом веке, окончил академию через год после революции. 13 лет работал на Камышинской опытной станции под Царицыном. Его жизнь связана с четырьмя вузами: Тимирязевка, сельскохозяйственные институты — Саратовский, Красноярский, Волгоградский. Имел много учеников и когда в 1956 г. был реабилитирован, эти ученики подсказали ректору ВСХИ: «Вызовите Шульмейстера, он нам пригодится». По их вызову он и попал в Волгоград.

— Тогда не любили репрессированных, еще их боялись, еще время было другое, — говорю я.

— Их и сейчас не очень любят, — добавляет Маргарита Константиновна. — Считают, что правильно нас наказывали и неправильно нас освободили. До сих пор люди, которые знают, что мы репрессированы, и знают в течение 15 лет, и что мы не бандиты, вдруг в какой-то момент забываются и говорят: «Правильно наказывали».

МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ в институте много дискутировать, были недруги по отношению ко мне. Недруги на этой национальной розни. Но начальство областное ко мне всегда относилось хорошо. Я говорю не для похвалы, и вы меня правильно понимаете. Начальство ко интеллигенции относилось так: они ценили их за то, что они им не перечат, соглашаются со всеми мероприятиями. Но поняли, что это приводило к огромным ошибкам, поэтому наряду с любовью к таким вот беспринципным людям они ценили и тех людей, которые говорили им правду. В интересах производства. А поскольку

вы секретари стали разоблачаться и вызывали к себе, убеждались, что это все клевета, а Шульмейстер говорит то, что думает, а думает на основании тех знаний, которые приобрел, и на основании своего опыта. А иначе я бы не удержался, если бы поддакивал тем ошибкам, вредным мероприятиям, которые проводились. Я бы не сидел на этом месте.

— Перелом наступил в отношении ко мне волгоградского общества, когда появился Горбачев. И с тех пор мои бывшие недруги замолчали. И я уже жил без угроз с их стороны. А сейчас ко мне исключительно тепло отнесся губернатор области, дал несколько десятков миллионов, чтоб издать (два тома работ ученого я привез в Музей истории — ред.), очень тепло отнеслась ко мне администрация вуза, они организовали празднование моего юбилея.

— Ваш характер в жизни должен быть твердым, настойчивым? — спрашиваю у него.

— А ВЫ ЗНАЕТЕ, это во мне воспитали мои учителя в Москве. Я слушал Прянишникова, слушал Дояренко, знаменитого химика Каблукова, академика, знаменитого академика Демьянова, потом — Вавилова, знаменитого А. В. Чайнова. На IV курсе он нам преподавал сельскохозяйственную кооперацию. Это были исключительно принципиальные люди. А судьбу Чайнова вы знаете. Его приговорили к расстрелу, как члена кондратьевско-чаяновской партии. А расстреляли через 7 лет. И семь лет он жил под этим дамокловым мечом. Это было исключительное наказание. На такую меру были способны только самые отъявленные садисты-параноики.

Но тут же ученый вновь переходит к своим учителям и говорит, что «они привили такое, что в науке надо иметь чистые руки, понимая под этим — не совершать ложь, не совершать подлоги, а говорить правду, и только правду. В особенности об этом говорили Прянишников и Вавилов. Что науку надо творить чистыми руками».

Дочь вспоминает, как в 1962 году первый секретарь обкома Школьников, а он был на стороне

вам. Сталин считал Лысенко самым выдающимся ученым в нашей стране. Он успел наградить его 7 орденами Ленина. Ни у одного полководца не было в нашей стране столько. Он был аферист в науке. Какой ущерб был нанесен Лысенко и Сталиным. Из-за Лысенко казнили Вавилова, Карпеченко, в Саратове был замечательный ученый Meister И его тоже.

Ведь в академии был Лысенко. Есть его портрет, портрет Якушкина. Мы знаем, что он (последний) писал доносы.

Я до семи лет жил в селе. Мама ни одного слова по русскому не знала. И я до семи лет ни слова русского не знал. Папа отдал меня в Камышин в русскую школу. И скоро я уже знал русский язык. Его учил я до 15 лет беспрерывно.

У меня в заключении был большой друг Дегтяренко Саша, Александр. Окончил Тимирязевскую академию. Аспирантуру в Ленинграде. Обвинили в измене родине.

— Что такое 100 лет для Вас? Как дожить до 100 лет и оставаться на высоте? — спрашиваю у профессора.

— Это прежде всего дар моей матери, которая подарила мне ген долголетия. Без этого гена я не мог бы выжить. Екатерина Андреевна, урожденная Беймлер.

И благодаря тем знаниям, которые привили мои учителя, прежде всего в академии — Прянишников, Вильямс (в период учебы в мое время, когда он не был в партии и был свободным гражданином, гуманно относился к студентам и преподавателям. А в партию вступил в 26 г., проповедовал догмы, грубейшие ошибки в растениеводстве). Я получил знания, которые помогли разобраться в своей аграрной деятельности, особенно пригодился на Дальнем Севере. В 1958 г. в Магадане вышла его книга «Растениеводство на северо-востоке».

И, продолжая отвечать на мои вопросы, добавляет: «Ученый должен дать ответ народу, оправдать. Мне повезло. На каторгу попадали люди много здоровее, более сильные, более волевые. И они погибали. Фортуна. Мое дело было

наим проблематичнее чистых паров (хороши они, но расхищают плодородие, потери гумуса велики...»).

На юбилейном торжестве глава администрации Волгоградской области И. П. Шабунин рассказал об использовании научных результатов юбиляра в земледелии области, достигшем в последние годы довольно высоких показателей. Неспроста многие говорили, в том числе и академик И. С. Шатилов, об одаренности и незаурядности выпускника академии, высокой творческой активности, неустанной работоспособности, вплоть до сегодняшнего дня, гражданской порядочности, чья жизнь стала гордостью российской сельскохозяйственной науки и практики степного земледелия. «Патриарх научного земледелия в степной России» — наиболее полно передает его роль в науке.

...Мы доедаем пирог. Маргарита Константиновна предлагает и настойчиво подкладывает новый кусок. Не отказываюсь. Не часто ешь такие вкусные домашние блюда. Поднимаем все трое рюмки с кристально чистой смородиновой. Профессор произносит тост. Но я ведь так и не узнал, как он живет в свои сто с лишним лет, о чем думает ночами. Как пережил расстрельный приговор и месяцы в камере смертников. Я многое не узнал о жизни нашего с вами современника. Думаю, последний ад его жизни ушел в прошлое. Долгое время живший над пропастью совсем не по своей воле, когда озлобленное прошлое цепляло его далеко за его 90 лет. Как выстоял, сохранил человечность, Человека в себе?

Чувствуете характер моего собеседника? Это истинный монолит. Родившийся за пять лет до XX века, он думает благополучно дожить последние пять лет до XXI века. Может, судьбе было угодно, чтобы долго жил и учил своим примером, отношением к людям, некий русский немец, девиз которого: «Прощать тебя предавших». Каждый бы мог такое?..

Георгий БЕЛЫХ.